

25 февраля 2025 в Иркутском доме архитекторов прошел Дискуссионный клуб ПБ по теме номера. Модератор – Константин Лидин. Участники обсуждали проблемы городской динамики и вопросы туризма на Байкале, сохранности архитектурного наследия, противоречивости современных потоков и их сложности.

Ключевые слова: потоки; процессы; Иркутск; Байкал; туризм; уникальность. /

February 25, 2025, the Irkutsk House of Architects hosted the PB Discussion Club devoted to the topic of the issue. Konstantin Lidin was its moderator. The participants discussed the problems of urban dynamics and Baikal tourism, preservation of architectural heritage, contradiction in modern flows and their complexity.

Keywords: flows; processes; Irkutsk; Baikal; tourism; uniqueness.

Дискуссионный клуб ПБ. Потоки / PB Discussion Club. Flows

текст

Елена Григорьева
РААСН
Константин Лидин
Минск, Беларусь
Сергей Маяренко
Иркутские кварталы
Александр Гимельштейн
ИГУ
Татьяна Титова
Open project studio
(Иркутск)
Татьяна Анненкова
Проект Байкал
Виталий Барышников
Гранд Байкал
Андрей Макаров
ИРНТУ
Алексей Чертилов
ИРНТУ
Евгения Сурикова
PROdesign (Иркутск)

text

Elena Grigoryeva
RAACS
Konstantin Lidin
Minsk, Belarus
Sergey Mayarenkov
ANO Irkutsk Quarters
Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University
Tatiana Titova
architectural bureau Open
Project Studio (Irkutsk)
Tatyana Annenkov
Project Baikal journal
Vitaly Baryshnikov
000 Grand Baikal
Andrey Makarov
Irkutsk National Research
Technical University
Alexei Chertilov
Irkutsk National Research
Technical University
Evgeniya Surikova
PROdesign interior design
studio

Елена Григорьева Дорогие участники Дискуссионного клуба ПБ, рады приветствовать вас на обсуждении темы ПОТОКИ. Константин Львович сегодня с нами очно, а вот Сергей Маяренко улетел, однако записал выступление по поводу потоков и процессов. Но сначала слово модератору.

Константин Лидин Тему потоков мы давно уже собирались предложить и, наконец, собрались. Тема эта настолько обширна, что никакой попытки ее исчерпать у нас сегодня, конечно, не будет. Скорее, мы хотели бы наметить некоторые векторы и направления, о чем мы дальше продолжали бы думать.

Я сейчас живу очень близко к географическому центру Европы. Этот центр официально находится в Белоруссии, недалеко от городка Полоцка. Там и памятный знак есть. Так вот, в Европе именно потоки, собственно говоря, определяют сегодняшний образ жизни.

В первую очередь это глобальные потоки переселения народов. Мы сейчас наблюдаем какое-то новое великое переселение народов. Массы людей сорвались с места и бросились кто куда, причем не только в уже привычном направлении – с нищего Юга на развитый Север. Сейчас уже потоки потекли во всех направлениях: из богатых стран народ разбегается и на юг, и на восток.

Стремительно растут потоки информационные, причем процесс этот вовсе не мирный. Во многих случаях похоже, что идет настоящая информационная война, то есть война, в которой используется информационное оружие массового поражения. Оно поражает миллионы жертв. Например, пандемия COVID и сопровождавшая ее «вторичная эпидемия» паники и психических расстройств – применение информационного оружия, которое поразило десятки миллионов человек.

Эти процессы особенно заметны в Европе. Там всегда была хорошо отлаженная жизнь, все точно отрегулировано, каждая мелочь продумана. И теперь это как часовой механизм, в который попал песок. Сейчас весь уклад жизни рушится, ломается, потому что, как выяснилось, любая перемена смертельна для такого уклада жизни. Для меня тема вот такой имеет ракурс. Было бы действительно приятно, если бы у нас разные точки зрения прозвучали.

Вот такая у нас задача на эту встречу. Давайте послушаем Сергея Маяренко.

Сергей Маяренко Я очень рад принять участие, хотя бы в онлайн-формате. Я рискую, конечно, не попасть в общий контекст, не участвуя в дискуссии, но организаторы разослали очень внятную установку, и дело мне показалось очень интересным. Я среагирую именно на тот запрос, который прозвучал в установке. Он будет состоять из двух коротких принципиальных блоков.

Первый сюжет больше теоретический, потому что, на мой взгляд, потоки и процессы – это что-то единое. Если вы сможете разъяснить, чем поток от процесса отличается, я буду благодарен, потому что я придерживаюсь концепции именно процессов и понимания, что есть объекты и материал и какие на него воздействуют процессы. Это логика системного подхода, которая была разработана в Московском методологическом кружке. Здесь взаимодействие объектов, материалов и процессов, взаимное влияние друг на друга представлены как единая система. Если материал очень прочный, он меняет процесс. А если он менее прочный, то процесс как бы «проминает» под себя материал. И для меня эти два понятия едины. Люди, когда осуществляют человеческую деятельность, коллективными своими действиями запускают искусственные процессы, созданные человеком, с которыми мы имеем дело. С одной стороны, природа создает определенные возможности и запускает свои процессы; с другой стороны – люди. И тогда движутся то-вары, деньги, идеи. Собственно говоря, это такой первый заход на теорию вопроса.

Что касается Иркутска, мне тоже показалось любопытным ответить на этот вопрос, потому что раньше рельеф играл решающее значение. Рельеф местности, реки имели большое значение и какая-то освоенность территорий. Пока территория Российской Федерации была более освоенной по сравнению с другими территориями, например, в Центральной Азии, мы играли ведущую роль. Как только технологии позволили соединить потоки между населенными территориями и выбрать более короткий путь между Европой и Азией, Иркутск как-то выпал из этих маршрутов. Плюс развитие морского транспорта

повлияло; Северный морской путь тоже проходит мимо Иркутска. И мы полностью выпали из этой повестки.

Иркутск всегда славился некоей идеологией развития, освоенческой своей ролью. С одной стороны, в процессе освоения сибирских территорий Иркутск выполнял административную и военную функцию. С другой стороны, Иркутск играл на транзите этих потоков. Пути проходили через Иркутск, и Иркутск получал свою ренту. Но, на мой взгляд, время ренты закончилось. Теперь жить и развиваться можно, только если ты умеешь создавать потоки. Ты умеешь создавать знания, технологии. Ты умеешь создавать свой поток. Если город хочет на что-то претендовать, то ему придется это делать. На мой взгляд, теперь пришло время, когда на первый план выходит концентрация пространства города. Уплотнение деятельности, уплотнение коммуникации начинает притягивать, и город начинает специализироваться, попадать в орбиту других центров идей, центров знаний, с ними взаимодействовать. Пришло время концентрации, мастерского подхода, когда нужно уже включаться в мировую повестку, специализируясь на чем-то.

Я бы выделил два таких процесса, которые касаются города. Во-первых, это, конечно, туристический поток на Байкале, который, действительно, Байкал всегда генерирует. И вопрос для города: как он сможет это освоить. Либо останется перевалочной базой, чтобы поток туристов протекал сквозь город, а горожане выпадут из этого процесса. Либо он сможет создать какие-то завихрения этого потока внутри города. Не останавливать надо этот поток, а усложнять, создавать дополнительные потоки в самом Иркутске. Вот такое усилие, конечно, надо предпринимать городу.

Еще один провокационный для обсуждения момент: неимоверно большой поток вахтовиков, который проходит через Иркутск в последнее время. Я вижу, что этот процесс очень сильно поражает город. Низкоквалифицированная рабочая сила задерживается в городе, присутствует в городе; очень развиваются функции, которые не делают Иркутск культурным или образовательным центром. И я наблюдаю перекос в эту сторону, связанный с освоением северных месторождений Иркутской области сырьевой направленности именно самой простой

рабочей силой. Эта большая трансформация угрожает поглотить Иркутск как культурный центр. И этому процессу городу противостоять придется, если он хочет сохранить высокую культуру, высокую науку, сохраниться значимым и действительно таким самопрофилированным городом. Сейчас похоже, что Иркутск превращается больше в транзитный вахтовый город.

Александр Гимельштейн Очень хорошо для начала дискуссии Сергей высказался. Я не считаю, что это провокативно. Я считаю, что это правда. Как спел Булат Окуджава: «Так природа захотела. Почему? Не наше дело. Для чего? Не нам судить». У нас есть климатически-географическая зона, в которую был посажен город Иркутск. Элемент случайности, я думаю, в этом существовал. Понятно, что была логика, был опыт у первопроходцев, но при всем том возможны варианты. Могли бы быть не тут. Но так сложилось, так оно и есть. И я все больше начинаю думать о том, что все смыслы сходятся только к понятию уникальности. Вот всем остальном конкуренция имеет место: научная конкуренция, культурная конкуренция, между городами, регионами, странами, континентами и т. д. Но насколько мыслящим людям вообще интересна конкуренция? Особенно, когда мы говорим о сфере, где научно-техническое развитие вообще не имеет значения. Мы понимаем, что великий художник может появиться завтра в поселке Михайловка в Иркутской области. Может. Без академической школы – просто гений. Может, просто мы не узнаем, что он гений и не узнаем вообще такого художника. Кто знал, что Ван Гог гений, пока он не умер? И пока даже не его вдова, а вдова его брата не положила жизнь на то, чтобы его искусство узнали?

Если все-таки говорить о потоковом мышлении и о развитии, то нужно в благородном смысле заикнуться на эксклюзивности. И смотреть: а что мы можем «реально эксклюзивное» создать?

Может быть, это отдельная тема, но я об этом, потому что Сергей, так сказать, «зацепил». Мы сто раз говорили, что Иркутск – аэродром около Байкала, и беспокоимся в связи с этим, но, может быть, надо осознать, что это вообще наша функция – обеспечить и обслужить вот

этот поток на Байкал? Наша миссия? Это, конечно, может быть, не самая высокая доля, но вы помните старинный анекдот, когда человек, попадая в рай, спрашивает апостола Петра: «Скажи, какой бы был смысл моей жизни?» Тот отвечает: «Ты уверен, что тебе это надо?» В ответ: «Да». Апостол говорит: «Ты помнишь, в 1976 году ты ехал на поезде Москва – Ростов-на-Дону?» Отвечает: «Да». «Ты помнишь, женщина тебя попросила передать соль?» – «Да». – «Во-о-от».

Может быть, это наша миссия – обслуживать Байкал. И это вообще самая гигантская, самая ценностная миссия, которая вообще может быть в России? Ну, в азиатской части России – точно.

КЛ А можно дополняющий наводящий вопрос? Эксклюзивность, если мы не рассматриваем ее как однократный акт, то есть нам нужно не один раз придумать эксклюзивность, а наладить поток эксклюзивности, тогда что-то получится. И в чем она заключается? Миссия – но это что-то недвижимое...

АГ Миссия, ну как она недвижна? Миссия всегда процесс. Она же продолжается, раз это миссия. То есть уже не недвижна.

КЛ Знаете, вот мы с участниками университета вчера пытались ответить на очень простенький вопрос, такой стандартный. Вот если бы Иркутск был человеком, то каким бы он был человеком? Очень интересно. Во-первых, оказалось, что это совершенно неожиданный вопрос, хотя там иркутян больше половины. Такой мучительный процесс был. В конце концов, у нас получился несколько фрагментарный портрет. Это мужик около 40–45 лет, сильно себе на уме, крепкий, здоровый, но спокойный. Сдержанный, вернее сказать, а не спокойный. Недоверчивый такой и довольно-таки злопамятный. Его можно довольно долго дразнить, но если уж раз раздражишь, то мало не покажется. И как такого человека представить в качестве привратника на пути к Байкалу?

АГ У портье миссии нет, у него узкое ремесло – дверь открыть. А я о процесс-менеджменте все-таки.

Татьяна Титова Да, мне тоже кажется, что это некий Управляющий. Он регулирует потоки интересующихся,

приезжающих с разными целями людей, отслеживает качество их движения и вообще все логистические процессы, т. е. это довольно серьезная миссия, служение, пусть без высоких пафосных представлений, но очень значимая.

КЛ То есть Иркутск решает, кого пускать на Байкал? Ну, в широком смысле слова?

ТТ В какой-то мере да. Можем ли мы регулировать этот поток приезжающих – сложный и довольно неопределенный сегодня – вопрос. Но совершенно точно, нам следует его регулировать, исходя из экологической нагрузки, если мы, конечно, хотим, чтобы Байкал был сохранен хотя бы в его настоящем состоянии. Какие гостиницы там будут строиться, какие дороги, какую инфраструктуру мы будем развивать и какому количеству человек допустимо быть одновременно на озере Байкал без ущерба на него. Вопросы землепользования и перечисленные аспекты должны быть жестко регламентированы.

АГ Нужно формировать новые смыслы, отвечать по-новому на вопрос, чем там заниматься. Пока у нас главный креативный элемент – «поцелуй Байкала»: в лунку на льду водку наливают, укладываются на лед и «ритуально» ее пьют. Это у нас главная фишка для всех туристов в районе Байкала. Очень популярная. Если приехал и без поцелуя уехал, – значит, тебе дали какой-то уцененный турпакет.

ТТ Надо еще сказать что, несмотря на цены проживания на Байкале, на Ольхоне, свободных мест в местных гостиницах, как правило, нет, и бронировать все нужно очень заранее. Это при том, что цены в хороших гостиницах на Ольхоне сопоставимы с ценами трех – четырехзвездочных апартаментов или гостиничных номеров в центре Парижа. Серьезно. Я была очень удивлена, установив этот факт.

Татьяна Анненкова Досугом туристов тоже надо заниматься, недостаточно только предоставить комфортный номер для отдыха. В зависимости от интересов и финансового положения нужно организовывать какие-то экскурсии, походы к местам силы, рассказывать о местных легендах и обрядах. Кого-то можно отправить

и в дорогой круиз, а кому-то достаточно посоветовать, где можно обустроить палаточный лагерь. Кому-то нужен отдых с дискотеками и громкой музыкой, а кто-то предпочитает наслаждаться тишиной. Кто-то мечтает лежать на пляже, а кому-то хочется покорять горные вершины или ходить в пешие экскурсии, а для кого-то лучший отдых – рыбалка или охота. И все это разнообразие есть у нас на Байкале.

ТТ И еще не надо забывать про уникальность Иркутска. Про его историчность, его характерность. Уникальность хотя бы уже в том, что мы являемся одним из трех российских городов, в которых сохранена деревянная архитектура. Причем в Иркутске она представлена в самом большом объеме по сравнению с Вологодой и Томском. Это наследие, правда, благополучно уничтожается. Это очень больно, и пора срочно остановить этот процесс, поняв, какой ресурс с экономической точки зрения представляет такая уникальность.

Алексей Чертилов Турист видел подобное и в других городах, фрагменты дерева в них очень большие, и его тоже это радует; то есть опять Иркутск не уникален. Турист же не разбирается в стилистических разнообразиях.

ТТ Ну, мы как раз можем про это тоже рассказывать. У нас, к сожалению, почти нет нормальных экскурсий по городу, экскурсий с акцентом на архитектуру вообще нет. И исторических тоже немного. Нет хорошей инфраструктуры для качественного знакомства с городом.

КЛ Потому что они не востребованы.

ЕГ Востребованы. Более того, Алексей Константинович Чертилов в прошлом году существенно повысил квалификацию иркутских экскурсоводов, провел несколько экскурсий, а по сути мастер-классов для них по деревянным объектам. Меня привлек по Кварталу 130. Мы пообещали еще летом по павловским объектам поводить. То есть экскурсоводов сейчас архитекторы учат, как рассказывать про дома.

Прогулки по старому Иркутску проводятся постоянно, регулярные и собирающие большое количество слушателей. Сергей Демков в Международный день архитектуры собрал огромную аудиторию, которая уже за сотню ушла.

АГ Есть еще тема специально для Иркутска, тоже не новая; прошу прощения, но я напомню об этом. Вероятно, только специалист может понять, что иркутское барокко и наша деревянная архитектура лучше, чем в других городах России, даже там, где она хорошо представлена – в Томске, в Омске. Но есть однозначно вещь совершенно эксклюзивная. Много лет мы об этом говорим, но мало делаем. Это то, что связано с Глазковским некрополем – археологическим комплексом. Я был в Гватемале. Это страна, где, в общем-то, денег нет. Климат тоже так себе. И при этом там гигантский археологический музей. Он мирового уровня. Правда, он с большой поддержкой ЮНЕСКО сделан. Во-первых, это действующий раскоп. Это огромный научный центр. Во-вторых, он под стеклянным колпаком. Он музеефицирован. Это просто потрясающе.

По масштабу памятника Глазковский некрополь Гватемале перекрывает однозначно. Говорить о том, что это колыбель цивилизации, мы можем с небольшим допущением, но очень смело. Пренебрежем пока известными обстоятельствами, связанными с блокадами и международными социальными, культурными и прочими санкциями. Будем исходить из того, что мы открыты для мира. Ведь мы будем когда-то, надеюсь, открыты для мира. И это как раз то, во что нужно вкладывать деньги, талант и усилия. Убеждать политическое руководство страны, что это наднационального уровня объект. Ни один губернатор с этим пока не справился, просто потому что не понял. Я уверен, что они не понимают. По большому счету, это невероятная «фишка», за которую нужно хвататься зубами, руками и ногами. Попытки были, подвижки, но все останавливалось именно на том этапе, когда всем становилось ясно, что финансирование требуется совершенно нерегионального уровня. То есть регионального уровня хватит только на проектирование в лучшем случае. А дальше нужно идти в буквальном смысле к первому руководителю страны. Для этого нужно абсолютно проникнуться идеей, стать просто фанатом, быть абсолютно убедительным и естественно закрепить научными, маркетинговыми целями, которые говорят о том, что 10 лет – и это место будут знать все в мире. Это реально.

ЕГ Даю справочку. В 2009 году, в августе месяце, выбирая ключевые объекты для развития, губернатор Дмитрий Мезенцев приглашал сюда в Иркутск министра культуры Авдеева, и мы ему презентовали не только 130-квартал, но и Глазковский некрополь. По поводу Глазковского министр сказал, что, пользуясь своими старыми международными связями, он попробует японцев заинтересовать, но потом он, увы, перестал быть министром...

АГ Да, к сожалению, хотя это был самый толковый министр последнего десятилетия.

Виталий Барышников Авдеев потом стал послом в Ватикане.

ЕГ Короче, презентация по развитию темы Глазковского некрополя у нас готова. Вот и Андрей Макаров делал проект, моя мастерская делала проект.

Андрей Макаров Меня всегда интересовало, почему в Иркутск так неохотно текут федеральные деньги? Такое впечатление, что тут вообще финансирование никому не нужно. Мне иногда кажется, что вот этот иркутянин в свои 45 лет, он одновременно очень завистливый и не уверен в себе. Он больше всего боится, что сюда придут чужие деньги, а с ними чужое влияние, чужая власть. Этого нет в соседних городах. В Красноярске, когда там запускали проект федерального университета, такие отчаянные были люди, ничего не боялись. Сейчас в Улан-Удэ начальник Цыденов, он везде ездит, требует, просит. Не стесняется выдумывать красивые легенды и предлагать их на разных уровнях. А мы что же?

АГ Я с вами абсолютно согласен. Большие деньги – это большой посторонний контроль, большое влияние. У нас теперь все деньги государственные, формально или фактически. Это другой уровень присутствия и пригляда федеральных властей, которого регионалы не хотят. Вряд ли мы все такие, потому что нам от присутствия федеральных властей здесь ни жарко, ни холодно. Может быть, наоборот, жарко, потому что у нас уж настолько хладнокровная региональная власть, ей вообще ничего не надо. Может, хоть этим что-то было бы надо. Приехали бы эти администраторы – понятно, злые, никого не любящие, корыстные, но при этом ориентированные на результат и доклад в итоге – Главному. Им нужно будет показать, что сделано. И что характерно, это не новая ситуация XXI века, потому что Иркутский обком партии в свое время отказался от Сибирского отделения академии наук по тем же причинам. На самом деле наличие Сибирского отделения – это мощный пригляд ЦК КПСС, Совета Министров и самой Академии наук СССР, что нашему тогдашнему местному партцарю совершенно было не нужно.

Формат журнальной публикации не позволяет нам в полном объеме воспроизвести все, что высказали участники круглого стола. Мы публикуем основные тезисы, в которых отразились оригинальные и новаторские идеи. В рамках дискуссии была впервые представлена визионерская презентация по структуре потоков (см. опубликованную в этом номере ПБ статью «О трансгородских потоках Иркутска»). Часть этих идей уже сегодня может найти применение в деле развития Иркутска и всего Прибайкалья; часть, возможно, относится к более или менее отдаленному будущему.

ВБ На самом деле надо понимать, что, во-первых, должен быть поток идей, а с этим тоже не все хорошо. Елена Ивановна, Андрей Юрьевич, и, собственно, журнал Проект Байкал много лет эту миссию несут, но назовите хотя бы еще десяток таких центров в Иркутске, которые бы несли вот эту идею...

У меня три момента по этой концепции: один в плюс, другой в минус, третий – вопрос. Минус, который уже реализуется, как я понимаю, это идея нашего доктора Козлова о проекте областной больницы: она запирает ту ось, которая проходит через Сто тридцатый квартал. Вот такой подход: это моя усадьба, мое поместье, я здесь хозяин.

ЕГ Проблема есть, но пока есть, тем не менее, и возможность. Было бы желание влиятельного инициатора строительства и администрации. Само здание, хоть и меняет значительно масштаб окружения Квартала 130, прохождению потока по касательной к участку больницы не мешает.

ВБ Второй момент, который, скорее, плюс – это поручение, которое сейчас губернатор сформулировал (его, правда, начали исполнять на полгода позже, но это нормально в наших условиях): проектирование водоснабжения всего Байкальского тракта. То есть это большая труба вплоть до 47-го километра, до идеи Байкальской слободы между Тальцами и Электрой.

Ну, а третий вопрос – как «запустить» набережную между Ангарой и Транссибом? Тут одного входа туда мало, все равно будут какие-то тупики.

ЕГ Конечно, да. Связи еще нужны, но там есть возможность кое-где проткнуться под железной дорогой, кое-где над; рельеф позволяет. А выше по течению, после Академического моста, набережная имеет благоустроенный участок, хоть и отрезана автомагистралью от Академгородка...

Для связи с полуостровом Затон мы тоже предложили платформу над железной дорогой и еще несколько возможностей доступа.

Застройка полуострова Чертугеевский не только достойно замкнет перспективу Байкальского луча в черте города, но и, дав преломление, направит его к Байкалу водным путем, по Иркутскому морю.

ВБ Если мы говорим о байкальском туризме, то строить на берегах в сегодняшней ситуации – самое опасное для Байкала. А вот строить на водохранилище как раз можно. И открытый доступ в Байкал есть. Есть показатели количества туристов, посетивших Байкал, которые будут показателем национального проекта «Пять морей и озеро Байкал». Любый турист, севший на корабль на пристани «Ракета» в Солнечном, доехавший до порта Байкал и вернувшийся, не выходя с корабля, домой, – это туризм выходного дня; один день он может на это потратить, с остановкой в Тальцах, Бурдугузе, Зеленом мысе, который мы когда-нибудь сделаем. Вернувшись, он

уже вышел в Байкал, его уже можно считать посетившим Байкал.

Мы видим, что сегодня портрет туриста изменился: вместо человека, который готов был созерцать в большой группе, сегодняшней турист хочет индивидуального подхода или малой группы и включенности в процесс, сопереживания. То есть он должен в чем-то участвовать. И Байкал может дать такую возможность сопереживать.

КЛ В первый же день, как я прилетел, у нас студенты на Зимнике показывали проекты. И такое странное впечатление, что они старательно игнорируют существование интернета и современных инструментов работы с образом. Насколько я знаю, сейчас это достаточно перспективное направление – виртуальный туризм. Это шлем виртуальной реальности. У нас зрительный канал, как известно, 80% информации передает, и когда есть обзор в 360 градусов, то, в общем, иллюзия достаточно полная. Блогер идет с камерами, ведет непрерывную трансляцию, турист тем временем дома в мягком кресле сидит и наслаждается безопасностью. Такой вариант снимает основную проблему: между необходимостью развития массового туризма и необходимостью сохранять природу Байкала.

ВБ Мы много теряем на узких местах инфраструктуры. Я из Пекина летел 2 часа 20 минут, потом стоял в очереди на наш пограничный контроль, я простоял ровно 1 час 50 мин. Я, правда, никуда не торопился, я был почти последним, но при этом все посты работали. Я этот опыт не забуду.

Причем и этот терминал аэропорт построил на свои средства. Вот этот новый пассажирский ангар – временное сооружение капитального проекта. Да, 100 лет Иркутскому аэропорту в этом году. Губернатор говорит: у меня есть указ президента о строительстве нового аэропорта. В старый вкладываться нельзя, мне надо строить новый.

ЕГ Вспомнился полный впечатлений Чуйский тракт. Алтай сейчас вообще развивается неплохо, в Горный Алтай вливается приличное количество федеральных и частных инвестиций. Когда мы устраивали фестиваль ЗВС в Барнауле, нас провезли по Чуйскому тракту, причем со многими остановками: в музеи Роберта Рождественского, Германа Титова, Василия Шукшина – Сростки, местных художников... Природа замечательная, курорты известные, сейчас там еще монастырь построили. Горный Алтай, полный своих впечатлений. Очень яркое было пятидневное путешествие. И это мы еще не доехали до Горно-Алтайска. В этом отношении Байкальскому тракту есть чему поучиться.

ВБ Мы ведь планируем реконструкцию Сибэкспоцентра, полную реновацию. Там, по-моему, 5 тыс. м². Будет 10. «Меганом» делал эту концепцию. Второе: там появится отель на 150 номеров, уровня 3–4 звезды плюс. И появится конгресс-зал на тысячу мест, который давно все ждем. И это все на той же площадке Сибэкспоцентра.

Китайские специалисты, приехав в Иркутск и познакомившись с ним, с Байкальскими маршрутами предлагают: сделайте Сибэкспоцентр визитной карточкой. Все, кто приезжают к вам, должны сначала попасть, условно говоря, в Сибэкспоцентр для того, чтобы увидеть некую выставку достижений региона: куда они попали, зачем попали, почему это здесь. Президент же издал распоряжение о сохранении наследия выставки Россия, которая так успешно состоялась, и в каждом регионе страны

должно появиться свой филиал ВДНХ, условно назовем его так. Сибэкспоцентр – самая подходящая для этого площадка.

АГ Теоретически, если вдруг каким-то образом «распечатывается» игровой бизнес в стране, то мы понимаем: люди ездят играть, а китайцы в огромном количестве, если они до Беларуси доберутся только ради казино, то уж сюда-то тем более. Игровая зона на Байкале дала бы немало предпочтений Иркутску.

КЛ Можно, я тоже добавлю идеи, может быть, кому-нибудь пригодится. Вообще историки не дадут соврать. 150–200 лет назад во многих точках были какие-то местные, локальные производства. И потом все это свозилось на ярмарки. Сейчас у нас времена другие, у нас покупатель ездит. Вот представьте: по дороге на Байкал есть точка, где какие-то фирменные настойки делают в деревнях, которые специализируются на самогоне и настаивают на этом самогоне какие-то травы. И предлагают их туристам. Ну, хотите попробовать? Да, 70 градусов самогон. Кедровочка.

ТТ Мы почти забыли про наш потрясающий хайтинский фарфор. У нас же уникальное месторождение замечательной глины, из которой получается тончайший фарфор. Абсолютно уникальное сырье, из которого делали фарфор, сопоставимый с майсенским. В принципе, он мог бы также стать знаменитым на весь мир, если бы не определенные обстоятельства. Недавно были разговоры о возрождении этого производства и даже, кажется, появился человек, который был готов этим заняться.

ЕГ Сегодня мне, кстати, довелось побывать утром на тройном юбилее иркутского планетарного сообщества. Собрали конференцию со всей России руководителей планетариев. Интересно, что Иркутск по количеству планетариев никто догнать не может. Купола у нас, может, не такие большие, но у нас семь планетариев. Три из них в школах.

Евгения Сурикова Вокруг меня сейчас очень много вертится событий, связанных с востоком: моя мама сейчас пошла на изучение китайского языка, изучает игру Го и Сянцы. Они постоянно собирают в Иркутске людей из других городов и ездят на обучение на восток, ездят туда лечить зубы. Мы сейчас с мужем пошли на интуитивную монгольскую стрельбу. Сейчас у них очень сильно развиты такие соревнования: стрельба из исторического монгольского лука, стрельба из лука на лошадях. Из Иркутска собираются и едут в Монголию. Почему бы тогда не развивать и эту сторону – язык, культуроведение и медицину?

АГ Ну, тут я должен сказать, в научном смысле как раз у нас неплохая ситуация: у нас есть университетская школа китаеведения в ИФИЯМ ИГУ. Лидер направления сегодня доктор наук Евгений Кремнев, который продолжает и развивает научную школу Олега Готлиба. С точки зрения контактов с китайскими учеными они очень интенсивны.

ВБ В этом году юбилей в Иркутске – 300 лет первой монгольской школе. Это первая в России школа изучения монгольского языка. Причем уникальность ситуации еще в том, что православные монахи сотрудничали с буддистскими монахами, беря у них тексты для изучения азбуки и источников. Вот такой трехсотлетний пример толерантного отношения двух религий для общей государственной задачи.